

МОСКВА — ТРЕТІЙ РИМЪ

Національныя катастрофы, подобныя Русской революціи, естественно привлекають вниманіе къ вопросу о цѣлесообразности историческаго процесса и о мѣстѣ, занимаемомъ въ немъ отдѣльными народами, то появляющимися, то исчезающими на его аренѣ. Для членовъ церкви эти вопросы представляются лишь частію еще большей проблемы смысла Боговоплощенія, назначенія Вселенской церкви и роли, принадлежащей въ ней помѣстнымъ національнымъ церквамъ.

Современное преслѣдованіе христіанъ въ Россіи, безпримѣрное по своей жестокости и напряженности, особенно остро ставитъ предъ нашимъ сознаніемъ проблему Русскаго Православія и требуетъ отъ насъ выясненія какъ источниковъ его силы и правды, такъ и причинъ его историческихъ неудачъ. Русскіе до революціи обычно столь органически срослись съ плотью своей православной церковной жизни, такъ глубоко уходили корнями въ ея бытъ и преданіе, что они даже не ставили передъ собой задачи объективнаго изученія и оцѣнки особенностей Русской церкви.

Они или признавали весь ея укладъ, какъ единственно возможное воплощеніе христіанства, или же совершенно отрекались не только отъ православія, но и отъ всякой связи съ религіей. Трудно сказать насколько подобное отношеніе все еще сохранилось въ Россіи. Въ эмиграціи же оно, повидимому, попрежнему широко распространено, не взирая на то, что мы здѣсь получили исключительную возможность взглянуть со стороны на русскую церковную жизнь, увидѣть ее въ свѣтѣ всего разнообразія современныхъ формъ христіанства и продѣлать часто трудную, но необходимую работу критической провѣрки цѣнности и истинности своего духовнаго наслѣдія. Живя въ непосредственной близости съ различными вѣроисповѣданіями, русскіе эмигранты могутъ сравнивать свое русское православіе какъ съ Западнымъ хри-

стіанствомъ, такъ и не съ русскими вѣтвями Восточной церкви. Это сравненіе помогаетъ выдѣлить какъ то, что является общимъ для всѣхъ христіанъ, такъ и то, чѣмъ отличается русское православіе отъ всѣхъ другихъ церквей, включая и Восточныя православныя церкви. Такой всесторонній анализъ, несомнѣнно, будетъ способствовать возрожденію церковной жизни въ Россіи послѣ прекращенія гоненій, такъ какъ онъ поможетъ разобраться въ ея противорѣчіяхъ. Наша набожность, красота нашего богослуженія, смиреніе и незлобивость русскаго народа переплетаются самымъ прихотливымъ образомъ съ богоборчествомъ, безпринципностью, національной самоувѣренностью и чванствомъ. Можетъ казаться, что русскій народъ и русская церковь имѣютъ два равно подлинныхъ, но противоположныхъ лика, открывающихся: одинъ въ образѣ святого старца, дышащаго христіанской любовью, свободой и смиреніемъ, другой въ лицѣ изуверъ, замаливающего свои грѣхи въ длинныхъ уставныхъ службахъ и въ то же время измывающагося надъ своими чадами и домочадцами. Отрицать наличие этихъ двухъ взаимно исключающихъ образовъ русскаго православія было бы попыткой явно обреченной на неудачу, но возможность ихъ параллельнаго существованія, которое уходитъ въ сѣдую древность нашей исторіи, требуетъ своего особаго изученія и объясненія.

Въ задачи данной статьи входитъ изслѣдованіе лишь одной стороны этого вопроса — вѣры въ Москву, какъ въ Третій Римъ, которая является наиболѣе отличительной чертой русскаго православія. На этой вѣрѣ воспитывались поколѣнія русскихъ христіанъ, на ней было построено зданіе Московскаго царства, въ ней черпали свое вдохновеніе вожди русскаго старообрядчества, и она еще до сихъ поръ имѣетъ глубокое, хотя часто не осознаваемое вліяніе на міровоззрѣніе русскаго народа. вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ ея положительномъ или отрицательномъ вліяніи на судьбы русской церкви и націи до сихъ поръ почти не подвергался обсужденію, точно такъ же какъ остается не обслѣдованнымъ, насколько эта вѣра является подлинно пророческимъ прозрѣніемъ сущности русскаго православія или же, наоборотъ, искушеніемъ, отравляющимъ жизнь нашего церковнаго организма. Много разныхъ причинъ объясняютъ подобное молчаніе. Русская либеральная интеллигенція была склонна принимать вѣру въ Москву, какъ духовную преемницу Византійской имперіи, за наивное преданіе давно ушедшаго прошлаго. Русское официальное богословіе также замалчивало его изъ-за тѣхъ глубокихъ ассоціацій, которыми эта вѣра была связана съ уничтоженнымъ патріаршествомъ и съ чаяніями старообрядцевъ. Только въ писаніяхъ однихъ славянофиловъ эти идеи находили свой откликъ, но

и они по ряду причинъ не могли приступить къ ея с:рьезному изученію. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ препятствій, стоявшихъ на пути правильнаго подхода къ этому вѣрованію было глубокое смѣшеніе русскаго и вселенскаго въ православіи, о которомъ упоминалось въ началѣ этой статьи. Даже у славянофиловъ отсутствовало сознаніе, что русское христіанство имѣетъ свои особенности, выдѣляющія его изъ среды другихъ Православныхъ церквей. Русскіе просто считались членами Греко-Восточнаго вѣроисповѣданія, и обычно предполагалось, что все то, чѣмъ отличается восточное православіе отъ другихъ церквей является типичнымъ и для русскаго христіанства. Это недоразумѣніе обычно вызывало два досадныхъ послѣдствія. Съ одной стороны, особенности русскаго православія никогда спеціально не изучались и потому оставались не осознанными и не использованными. Съ другой стороны, неправильное отождествленіе русскаго и вселенскаго вело къ разнообразнымъ столкновеніямъ между русской церковью и другими восточными помѣстными церквами, такъ какъ русскіе стремились къ ихъ руссификаціи. Встрѣчаясь съ различіями быта и обрядовъ между ними и нами, мы обычно сперва удивлялись этому, а потомъ начинали убѣждать ихъ принять русскую традицію, считая ее единственнымъ подлиннымъ выраженіемъ православія.

Это желаніе рождалось изъ наивной вѣры, что все русское является обще-православнымъ и что нашъ бытъ и наши традиціи есть лишь вѣрное воспроизведеніе Апостольскаго христіанства. Можно сказать, что первое изслѣдованіе особенностей русской церкви было начато только уже здѣсь въ эмиграціи, и труды проф. Г. Н. Федотова создаютъ эпоху въ исторіи изученія русской церкви. Онъ оказался первымъ историкомъ, который приступилъ къ описанію русской церкви, какъ особой вѣтви вселенскаго христіанства. Въ своихъ трудахъ («Святые Древней Руси, Св. Филиппъ и другіе») онъ проникъ въ невѣдомую до него область національнаго русскаго воплощенія православія. Образы первыхъ Святыхъ земли русской страсто-терпцевъ, — Бориса и Глѣба, Святого Феодосія, русскихъ юродивыхъ и русскихъ князей пріобрѣли въ освѣщеніи проф. Федотова совершенно новое значеніе. Онъ наглядно показалъ, что русская церковь съ самага начала ясно проявила свою индивидуальность и русскіе внесли въ сокровищницу вселенскаго православія свою особую струю, открывъ новые горизонты передъ церковью. Только помня эти особенности ранняго христіанства въ Россіи, возможно правильно подойти къ изученію его позднѣйшей исторіи, въ особенности XV столѣтія, которое и было временемъ рожденія вѣры въ Москву, какъ въ Третій Римъ.

XV столѣтіе легло рубежомъ въ исторіи человѣчества. Въ эти годы было изобрѣтено книгопечатаніе, открыта Америка, была подготовлена Реформація и совершилось паденіе Византіи. Этотъ же XV вѣкъ былъ концомъ средневѣковой Европы и временемъ возникновенія современной міровой цивилизаціи. Онъ былъ также эпохой зарожденія Русской имперіи. Чтобы понять послѣдующее развитіе русской исторіи и разобраться въ ея современныхъ событіяхъ, слѣдуетъ остановиться на изученіи тѣхъ идей и факторовъ, которые создали изъ Кіевской удѣльной Руси сначала Московское царство, а впоследствии и Петербургскую Россійскую имперію.

Кіевская Русь была нераздѣльной частью христіанской Европы. Она образовывала ея наиболѣе восточное крыло, но всѣми своими жизненными нитями была связана съ своими Западными сосѣдями. Кіевская Русь была страной городской культуры, она жила торговлей съ Византіей и съ Скандинавскими странами, съ центральной Европой и съ Хазарскимъ ханствомъ. Она являлась важнымъ центромъ, гдѣ скрещивались и пути между югомъ и сѣверомъ, западомъ и востокомъ. Русская церковь Кіевского періода была одной изъ самыхъ обширныхъ, но и самыхъ молодыхъ митрополій Константинопольскаго патріархата. Она обычно управлялась Греческими митрополитами и считала Царьградъ своимъ духовнымъ центромъ, источникомъ культуры, столпомъ благочестія и Апостольскаго преданія.

Татарское нашествіе внезапно оборвало Европейскій періодъ Русской исторіи. Физически и духовно Русь оказалась оторванной отъ христіанской Европы и включенной въ Монгольскую имперію. Она перестала быть восточнымъ крыломъ Европы и сдѣлалась западнымъ аванпостомъ Азіи. Поѣздки въ Орду замѣнили русскимъ князьямъ встрѣчи съ ихъ западными сосѣдями. Страшное опустошеніе Кіевской области (населеніе Кіевской и Черниговской областей было настолько уничтожено, что даже епархіи тамъ были закрыты,) лишили Сѣверо-Восточную Русь даже физическаго соприкосновенія съ Западной Европой. Отброшенная на Востокъ, потерянная въ дремучихъ лѣсахъ и топяхъ Сѣвера нашей равнины, Русь медленно и съ трудомъ, начала оправляться отъ полученнаго ею удара. Немногіе могли бы выдержать его сокрушительныя силы, но Россія смогла не только его пережить, но и настолько вскорѣ окрѣпнуть, чтобы скинуть съ себя въ 1480 г. унижительное ярмо татарскаго ига. Два фактора въ особенности сдѣлали возможнымъ ея воскресеніе: съ одной стороны сохраненіе остатковъ населенія благодаря естественной защитѣ — лѣса и болота нашего Сѣверо-Востока и съ другой стороны вліяніе цер-

кви, которая пощажена татарами, стала объединяющим и возрождающим центром для Русского народа.

Отшельники и пустынники XV вѣка силой своей вѣры и мужеством своего подвижничества вдохнули бодрость и надежду въ душу разбитой націи. Московскіе митрополиты дали странѣ сознаніе своего единства и способствовали установленію единоначалія государственной власти. Татарское иго было преодолено не столько успѣхомъ Дмитрія Донского на полѣ брани, какъ подвигомъ вѣры Преп. Сергія Радонежскаго и непреклонной волей великихъ Святителей Московскихъ, начиная съ Петра и кончая Алексѣемъ. Изъ пепелищъ и погромовъ татарскаго нашествія выросла новая обновленная Русь, отсѣченная отъ Европы, обязатившаяся, но окрыленная чудомъ своего воскресенія и исполненная сознанія своей миссіи въ міру. Собираніе Россіи вокругъ ея новой столицы Москвы шло одновременно съ медленнымъ и мучительнымъ умираниемъ Византіи. Паденіе Царьграда въ 1453 г. почти совпало съ сверженіемъ татарскаго ига въ 1480 г., и эти два событія произвели глубочайшее впечатлѣніе на сознаніе Русскаго народа...

Византійская имперія была вселенскимъ христіанскимъ царствомъ для всѣхъ восточныхъ христіанъ, защитницей вѣры и благочестія, оплотомъ противъ всѣхъ невѣрныхъ. Константинополь былъ царьградъ, столица императора міра, гдѣ находился престолъ вселенскаго патріарха. Онъ былъ святой градъ, освѣщавшій подобно солнцу всю вселенную истиной Христова ученія. Паденіе Византіи было поэтому міровой катастрофой, попущеніемъ Божьимъ, тяжелымъ наказаніемъ за грѣхи всѣхъ христіанъ. Оно казалось вѣрнымъ признакомъ неминуемаго конца міра. Привычка отождествлять церковь и имперію такъ глубоко проникла въ сознаніе христіанъ, что крушеніе послѣдней было равносильно конечному пораженію самой церкви, а съ этимъ, естественно, не могло примириться сознаніе ея членовъ. Начались поиски выхода и онъ былъ найденъ какъ въ поработенной Византіи, такъ и въ только что освободившейся Россіи во внезапно возникшей вѣрѣ, что имперія не погибла, что Господь не оставилъ членовъ церкви и избралъ иную страну и иной народъ для продолженія своего царства. Россія, единственная свободная христіанская держава на Востокѣ, оказалась этой избранницей Божіей, преемницей великой имперіи, и Москва, ея новая столица, открылась какъ Третій Римъ, какъ новый и на этотъ разъ послѣдній оплотъ истинной вѣры и подлиннаго благочестія на землѣ. Трудно сказать, кто первый сдѣлалъ подобный выводъ. Почти несомнѣнно, что онъ родился въ сознаніи всей церкви, и отдѣльныя лица лишь нашли для него соотвѣтствующее выраженіе. Старецъ Филофей, восточные іерархи, Московскіе

книжники, Аввакумъ и старообрядцы писали и говорили о Москвѣ, Третьемъ Римѣ, не какъ о чемъ то новомъ, но какъ о вѣрѣ, раздѣляемой всѣмъ церковнымъ народомъ.

Итакъ страданія и униженія Россіи явились источникомъ ея новой славы. Кіевская Русь была лишь младшей дочерью Византійской имперіи. Русь Московская, возрожденная и очищенная, оказалась наслѣдницей Вселенской имперіи, единственной охранительницей Апостольскаго преданія.*)

Русскій народъ, неожиданно ощутивъ свое великое призваніе, почувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свое одиночество, которое еще болѣе обострялось отъ сознанія отвѣтственности за судьбы новозавѣтнаго откровенія.

Размѣры журнальной статьи не даютъ возможности прослѣдить всѣ подробности исторіи зарожденія и послѣдующаго развитія вѣры въ Москву, какъ въ наслѣдницу Византіи. Поэтому предметомъ даннаго изслѣдованія будутъ только тѣ стороны этой идеи, которыя имѣютъ непосредственную связь съ современнымъ положеніемъ русской церкви.

Русское церковное общество XV-XVI вѣка горячо повѣрило въ особое призваніе Руси. Оно съ готовностью приняло на себя отвѣтственность за судьбы вселенскаго христіанства. Но оно показало гораздо менѣе единодушія, когда передъ нимъ сталъ вопросъ о самой сущности христіанства и о характерѣ русской миссіи для міра. Конецъ XV и начало XVI в. оказались поэтому временемъ исключительныхъ по своему значенію споровъ внутри русской церкви. О нихъ обычно мало знаютъ даже церковно образованные русскіе люди, такъ какъ эти разногласія заслонены отъ насъ болѣе рѣзкимъ столкновеніемъ патріарха Никона и старообрядцевъ въ XVIII вѣкѣ. Но въ дѣйствительности споръ между Іосифлянами нестяжателями и болѣе трагиченъ, и болѣе рѣшителенъ для судебъ русскаго православія, чѣмъ даже расколъ, который былъ лишь слѣдствіемъ побѣды Іосифлянъ надъ Заволжскими старцами въ XVI вѣкѣ. Обѣ церковныя партіи, боровшіяся въ Россіи въ XV и XVI столѣтіяхъ своими духовными корнями уходили въ православіе Сергія Радонежскаго и другихъ подвижниковъ XIV вѣка. Возглавителемъ одной изъ нихъ былъ Іосифъ Санинъ, игуменъ Волоцкаго монастыря (1440-1515 г.), другой Нилъ Майскій (1433-1505), строитель скита на рѣкѣ Сорѣ. Оба они причислены къ лику Святыхъ и почитаются всѣмъ русскимъ народомъ, несмотря на то, что они находились

*) Это сознаніе приобрѣло особую остроту послѣ извѣстія съ отступничествѣ грековъ на Флорентійскомъ соборѣ въ 1439г. когда и Императоръ и Патріархъ признали надъ собой власть еретическаго Рима.

въ постоянной борьбѣ другъ съ другомъ, которая окончилась уже при ихъ ученикахъ жестокимъ гоненіемъ и почти полнымъ уничтоженіемъ сторонниковъ Нила Сорскаго. Подробное описаніе столкновеній этихъ двухъ партій не входитъ въ задачу этой статьи (*).

Достаточно указать, что разница ихъ міровоззрѣній вскрылась во всей ея глубинѣ въ связи съ двумя вопросами, особенно волновавшими русскую церковь въ XVI вѣкѣ: 1) право монастырей владѣть землями и крестьянами и 2) нравственная оправданность преслѣдованія еретиковъ и преданіе ихъ смертной казни.

Нилъ Сорскій и его сторонники считали, что монахи, отказавшіеся отъ имущества, не имѣютъ права владѣть землями, а въ особенности людьми ни лично, ни какъ члены общины. Они учили, что монахъ долженъ существовать трудомъ своихъ рукъ, и оставаться свободнымъ отъ мірскихъ попеченій. Также рѣшительно возставали они и противъ наказанія еретиковъ, утверждая, что духъ любви Новаго Завѣта несовмѣстимъ съ пытками и со смертной казнью, совершаемыми во имя Христа и Его церкви. Иосифляне же настаивали на необходимости примѣрнаго наказанія всѣхъ инакомыслящихъ, доказывая примѣрами, взятыми изъ ветхаго Завѣта, что подобное дѣйствіе ожидается Богомъ отъ ревнителей благочестія. Они были также увѣрены, что безъ владѣнія селами монастыри не смогутъ ни помогать нуждающимся, ни поставять для церкви епископовъ и архимандритовъ (**), и даже не будутъ въ состояніи поддерживать уставное, благолѣпное богослуженіе, что Иосифляне считали основной задачей монастырей. Острыя разногласія по поводу этихъ конкретныхъ вопросовъ явились результатомъ различнаго пониманія сущности христіанства.

Обѣ партіи были заняты однимъ и тѣмъ же вопросомъ — нахожденіемъ лучшихъ путей для оцерковленія жизни, но выводы, къ которымъ они пришли, были различны. Иосифляне считали, что вся жизнь человѣка и всѣ ея событія, большія и малыя, могутъ и должны быть освящены Церковью и преобразены ея благодатью. Но подобное оцерковленіе мыслилось въ строгомъ соблюденіи обрядовъ, въ благолѣпнн быта, и въ тща-

*) Смотри статью пр. Г. П. Федотова (Путь, № 27). «Трагедія древнерусской святости».

**) Иосифъ Волоцкій писалъ: «Если у монастырей сель не будетъ, то какъ честному и благородному челсвѣку постричься? А если не будетъ добротныхъ старцевъ, откуда взять людей на митрополию, въ архіепископы, епископы и на другія, церковныя, властныя мѣста? Итакъ, если не будетъ честныхъ и благородныхъ старцевъ, то и вѣра поколеблется».

тельномъ храненіи отеческаго преданія. Все міровоззрѣніе Іосифлянъ было окрашено образами, взятыми изъ Вѣтхаго За-вѣта, и въ ихъ суровой преданности къ уставному благоче-стію вспыхиваль тотъ же огонь нетерпимости, которымъ го-рѣли пуритане и другіе кальвинисты эпохи Реформаціи. Іосифу и его ученикамъ принадлежитъ заслуга созданія мос-ковскаго быта съ его строгой церковностью, чинностью службъ и іерархичностью всего его уклада. Ихъ идеаль жизни нашель свое наилучшее выраженіе въ знаменитомъ Домостроѣ, напи-санномъ въ эпоху ихъ наибольшаго вліянія на жизнь страны.

Никъ и его ученики были людьми иного духа, вдохновляв-шимися образами Евангельской свободы, любви, милосердія и всепрощенія. Они дерзали проповѣдовать на рубежѣ XV и XVI вѣка о несомѣстимости Христіанства съ казнями ере-тиковъ, мысль, неприемлимая на Западѣ въ равной степени какъ для Римо-католиковъ такъ и для Протестантовъ. Не-стяжатели воплощали въ себѣ ту древнюю струю русскаго бла-гочестія, которая дала нашей Церкви страсотерпцевъ Бори-са и Глѣба и кроткаго игумена Феодосія, основоположника русскаго иночества. Трудно сказать, чѣмъ кончилась бы борь-ба между этими двумя теченіями, если бы не произошло вмѣ-шательство въ нее Великаго Князя. Вопросъ о разводѣ без-дѣтнаго Василія Третьяго оказался роковымъ для заволож-скихъ старцевъ. Іосифляне держались высокаго ученія о цар-ской власти, для нихъ воля царя не была ограничена никаки-ми законами (*), и они охотно согласились разрѣшить разводъ необходимый въ интересахъ московскаго государства. Ихъ противники не могли согласиться съ ними и признать, что нрав-ственныя требованія Христіанства не примѣнимы къ прави-телю Православнаго Царства.

Василій III послѣ долгихъ колебаній всталъ на сторону Іосифлянъ. Митрополитъ Варлаамъ, сторонникъ нестяжателей, былъ свергнутъ. Игумень Даніиль, вождь Іосифлянъ, за-нявъ его мѣсто, насильственно постригъ Соломонію, первую жену Василія, а его самого обвинчалъ съ Еленой Глинской. Взамѣнъ этой услуги онъ получилъ разрѣшеніе нанести рѣ-шительный ударъ по своимъ церковнымъ противникамъ (Бракъ Іоанна и Елены былъ заключенъ въ 1523 г., и съ 1525 г. нача-лись преслѣдованія нестяжателей, закончившіяся полнымъ разореніемъ ихъ скитовъ въ 1553-1554 г.) Новый бракъ велика-го князя уже не былъ бездѣтнымъ. Василій III получилъ на-слѣдника престола, перваго вѣнчаннаго царя Ивана Грознаго. Начало новаго царствованія было временемъ торжества Іосиф-

*) Іосифъ писалъ: «Царь по плоти подобенъ всѣмъ человѣкамъ, по власти же подобенъ онъ одному Бгу».

лянъ. Самъ царь оказался богословомъ, горячо увѣровавшимъ въ ученіе о Москвѣ — третьемъ Римѣ, о неограниченности царской власти и объ обрядовомъ значеніи православія. Знаменитый Стоглавый соборъ, сованный имъ въ 1550-51 г., торжественно утвердилъ незыблемость русскаго православія, объявивъ всѣ помѣстныя его собенности конечнымъ выраженіемъ вселенской истины. Блестящія военные успѣхи Россіи — покореніе Казани, Астрахани, завоеваніе Сибири казались дальнѣйшимъ подтвержденіемъ Божьяго благословенія, почивавшаго на Московскомъ царствѣ и укрѣпляли вѣру въ его особое избраніе. Свое торжество Іосифляне ознаменовали полнымъ разгромомъ нестяжателей. Ихъ скиты были сожжены, братья изгнаны или замучены, струя православія, связанная съ именемъ Великаго Старца Нила, перестала открыто проявлять себя, на долгіе годы, она ушла въ подземелье, орошая изнутри духовную жизнь народа. Послѣдствія этой рѣшительной побѣды были неожиданны для Іосифлянъ и чрезвычайно значительны для судьбы Россіи. Смутное время, Расколъ, реформы Петра Великаго, пугачевщина и даже коммунистическая революція, правда, въ различной степени, но все же непосредственно связаны съ событіями XVI вѣка нашей исторіи и съ насильственнымъ угашеніемъ тѣхъ идей, которыя защищались нестяжателями. Два послѣдствія ихъ пораженія оставили особенно глубокой слѣдъ въ русской церковной жизни. Первымъ изъ нихъ было глубокое внѣдреніе обрядовѣрія въ сознание русскаго народа. Обрядъ сталъ разсматриваться, какъ имѣющій силу освящать жизнь и спасать людей даже безъ ихъ нравственнаго возрожденія. Такая вѣра въ дѣйствительность символа придала особенную насыщенность русскому благочестію, но она сопровождалась презрѣніемъ къ цѣнности человѣческой личности, попраніемъ свободы и пренебреженіемъ нравственными требованіями христіанства. Эти особенности въ пониманіи обряда чрезвычайно наглядно выразились въ отношеніяхъ Іосифлянъ къ царской власти. Они требовали отъ царя точнаго соблюденія всей символики православія, настаивали на ношеніи имъ почти что церковнаго облаченія, но они не дерзали предъявлять къ нему требованій соблюденія нравственной чистоты и христіанской справедливости. Однимъ изъ самыхъ разительныхъ плодовъ ихъ вѣры и преданности къ царской власти была трагическая личность ихъ воспитанника — Іоанна Грозанаго, царя богослова и палача. Вторымъ и не менѣе значительнымъ слѣдствиемъ ихъ побѣды было прекращеніе роста русской церкви. Для Іосифлянъ Московское православіе казалось единственнымъ оплотомъ правовѣрія, чудомъ сохранившимся среди безпредѣльнаго океана невѣрія и злочастія. Для Россіи учиться у кого-либо было не только

излишнимъ, но это было бы отступничествомъ отъ Богомъ данной ей мисси. Русское православіе разсматривалось какъ завершеніе всей исторіи церкви. Оно было вершиной, послѣднимъ словомъ истины, дальше котораго никуда не нужно и невозможно было идти. Подобный подходъ къ церкви пресѣкалъ возможность ея роста, останавливалъ умственное и нравственное развитіе русскаго народа и обратилъ молодую Московскую Русь въ своеобразный Китай со свойственной ему неподвижностью.

Первыя отрицательныя послѣдствія побѣды Іосифлянъ сказались уже во вторую половину царствованія Іоанна Грознаго. Его исключительная жестокость и распутство, хотя объяснялись проявленіемъ гнѣва Божьяго за грѣхи народа, но все-таки они не могли не колебать вѣры въ неограниченность царской власти. Прекращеніе же Богопомазанной династіи Рюриковичей наносило еще болѣе сильный ударъ по ученію о Богоизбранности русскаго народа и его благочестивыхъ царей.

Но особенно грознымъ предостереженіемъ были униженія Русской державы въ страшные годы смутнаго времени, когда западные еретики — поляки и шведы безнаказанно оскорбляли великія святыни русскаго православія. Призваніе на царство новой династіи Романовыхъ было попыткой возстановить нарушенную нить преемства, считать какъ бы небывшимъ все то, что было пережито Россіей въ смутное время. Романовы, собственники Іоанна Грознаго, были объявлены прямыми наслѣдниками Рюриковичей. Все благолѣпіе и вся уставность царскаго быта были тщательно возстановлены, православная Москва вновь заняла подобающее ей мѣсто главы христіанскаго царства. Но время не возвращается назадъ. Уроки смутнаго времени не прошли даромъ. Россія принуждена была начать учиться у Запада. Эпоха ея обособленности была окончена. Это обученіе началось съ военнаго искусства, безъ овладѣнія которымъ не могла сохраниться политическая независимость страны и покоящаяся на ней вѣра въ Богоизбранность Московскаго Православнаго царства. Вначалѣ общеніе съ Западомъ было строго ограничено заимствованіями въ узкой сферѣ военной техники. Вся духовная и научная жизнь Европы осталась запретнымъ плодомъ и всякое соприкосновеніе съ нею сурово каралось государственной и церковной властью. Въ 1620 г. было введено даже перекрещиваніе всѣхъ западныхъ христіанъ при принятіи ихъ въ общеніе съ русской церковью, чѣмъ еще болѣе было подчеркнуто ихъ окончательное отпаденіе отъ истины. Европейское вліяніе однако, разъ начавъ проникать въ Россію, уже не могло быть остановлено никакими преценіями. Новшества и заимствованія слѣдовала одно за другимъ, и вскорѣ мощная волна новой жизни стали

затоплять всю Россію, добираясь постепенно даже до самыхъ вратъ церкви. Результатомъ этой культурной революціи явился великій расколъ, одно изъ самыхъ страшныхъ поражений русскаго православія. Причины раскола не всегда бываютъ правильно поняты. Нерѣдко онѣ объясняются нежеланіемъ части духовенства и мірянъ исправить второстепенныя подробности нашего богослуженія. Героическая борьба старообрядчества истолковывается, какъ слѣдствіе ихъ невѣжества и фанатизма. Въ дѣйствительности же причины раскола гораздо болѣе глубоки, и онѣ уходятъ своими корнями въ самую сущность русскаго мессіанства. Протопопъ Аввакумъ, Нероновъ и другіе вожди старообрядцевъ были передовыми людьми своего времени. Вмѣстѣ съ будущимъ Патріархомъ Никономъ они энергично работали надъ улучшеніемъ богослуженія и быта русской церкви, и неоднократно страдали за свои нововведенія отъ своихъ косныхъ прихожанъ. Бывшіе союзники обратились однако въ непримиримыхъ враговъ, когда всталъ вопросъ о конечной цѣли церковнаго преобразования. Для Аввакума и его сторонниковъ критеріемъ истины было древнее русское православіе. Ихъ идеаломъ были постановленія Стоглаваго Собора. Они вѣрили, что задача церковной реформы вернуться къ Московской старинѣ. Патріархъ Никонъ былъ первый Іосифлянинъ, который увидалъ неисполнимость подобной программы церковнаго обновленія. Онъ показалъ, что русское православіе есть лишь часть вселенской церкви, получившая свою вѣру и свои обряды отъ своихъ учителей-грековъ. Поэтому онъ не побоялся прійти къ заключенію, что въ многочисленныхъ случаяхъ разночтеній въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ необходимо брать за образецъ греческіе первоисточники и при ихъ свѣтѣ провѣрять и исправлять русскіе церковные обычаи. Это рѣшеніе было потрясающимъ ударомъ для всѣхъ ревнителей московскаго благочестія, отступничествомъ отъ миссіи, ввѣренной Россіи, дѣйствіемъ, подобнымъ антихристову возстанію противъ Христа. Москва, Третій Римъ, единственная хранительница христіанской истины, должна была оскверниться заимствованіями изъ нечистаго, Богомъ отвергнутаго источника греческаго православія. Для старообрядцевъ Никонъ потому былъ слугою сатаны, великимъ предателемъ своей церкви, что онъ поставилъ падшій Константинополь выше Богомъ хранимой Москвы. Вначалѣ старообрядцы пытались найти опору въ царѣ, въ этомъ хранителѣ церковнаго благочестія. Когда же они увидѣли къ своему ужасу, что и царь соблазненъ отступникомъ-патріархомъ, то стали готовиться къ страшному пришествію Спасителя и съ мужествомъ отчаянія вступили въ неравный бой съ царскою и патріаршей властью. Слова Аввакума къ восточнымъ патріархамъ, пріѣхавшимъ въ

1667 г. въ Россію, чтобы судить патріарха Никона, являются лучшимъ выраженіемъ всего міровоззрѣнія Іосифлянъ. Въ нихъ звучитъ сила вѣры, они горятъ яркими образами, но въ тоже время они исполнены русскимъ самомнѣніемъ и презрѣніемъ къ православному Востоку. Патріархи сначала пытались убѣдить Аввакума подчиниться собору. Они опирались на вселенскій опытъ православія, и говорили: «Ты упрямя, протопопъ Аввакумъ... вся наша Палестина, и Сербія, и Албаны и Волохи, и Римляне, и Ляхи всѣ... тремя перстами крестятся, одинъ... ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двумя персты». На это Аввакумъ отвѣчалъ: «Вселенскіе учителя, Римъ давно палъ и лежитъ невосклонно, и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца быша враги христіанамъ. И у васъ православіе пестро стало, отъ насилія Турскаго Магомета немощны есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учиться. У насъ Божьей благодатью самодержство, до Никона, отступника, въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все православіе было чисто, непорочно, и церковь немятежна».

Трудно представить себѣ болѣе трагическую и опустошительную борьбу, чѣмъ ту, въ которую оказалась вовлеченной русская церковь XVII вѣка. Ея характерной особенностью было отсутствіе побѣдителей. Это было побоище, въ которомъ свои уничтожали своихъ же, пока все церковное зданіе не оказалось потрясеннымъ до основанія. Старообрядцы, эти наиболѣе убѣжденные представители Іосифлянъ, безраздѣльно господствовавшіе надъ русскимъ Православіемъ въ теченіе 150 лѣтъ, неожиданно были отлучены отъ церкви. Они — оплотъ самодержавія были объявлены врагами государства. Но и самъ патріархъ Никонъ не воспользовался плодами своей побѣды. Преданный греками, которыхъ онъ призвалъ въ Россію, онъ былъ свергнутъ съ престола и отправленъ въ ссылку. Епископы и клиръ, которые прокляли и старообрядцевъ, и отреклись отъ Никона, оказались не въ лучшемъ положеніи. Они чувствовали себя беззащитными предъ царской властью и стремились всѣми способами не навлечь на себя гнѣва тишайшаго Алексѣя Михайловича. Въ этой междоусобной борьбѣ былъ разрушенъ тотъ идеаль, которымъ вдохновлялась русская церковь. Образъ Москвы, третьяго Рима, былъ поруганъ и разбитъ. Но ничего новаго, могущаго замѣнить его, руководители церкви не сумѣли предложить народу. Русское общество продолжало упорно цѣпляться за старину, жить наслѣдіемъ прошлаго и противиться новшествамъ, шедшимъ съ Запада, но и послѣ раскола вдохновеніе было утеряно, вѣра въ богоизбранность подорвана. Реформы Петра Великаго нанесли послѣдній сокрушительный ударъ по Московской Руси. Патріаршество было уничтожено, его мѣсто занялъ Святѣй-

шій синодъ, скопированный съ лютеранскаго образца. Это униженіе православія было лишь неизбѣжнымъ слѣдствіемъ только что перенесеннаго имъ духовнаго пораженія. Петръ Великій видѣлъ въ церкви преграду, мѣшавшую развитію страны, и онъ со свойственной ему рѣшительностью смялъ и растопталъ ея быть и устои. Роковой кругъ завершился. Та царская власть, которая обезпечила побѣду Іосифлянамъ и которой они вручили охрану уставнаго благочестія, нанесла имъ жестокое пораженіе и предала своихъ вѣрныхъ союзниковъ. Ревнителіи отеческаго преданія государевы слуги хватали, истязали и принуждали принимать то внѣшнее обличіе западныхъ еретиковъ, гибельности котораго еще вчера учила ихъ церковь.

Итакъ Іосифлянское православіе погибло отъ руки, ею же возвеличенной царской власти. Москва, третій Римъ, свѣтильникъ вѣры, былъ покинутъ. Его замѣнила новая Европейская столица, названная не русскимъ именемъ Санктъ-Петербурга. Но всѣ эти внѣшніе удары и пораженія не могли уничтожить вѣры русскаго народа въ его богоизбранничество. Она продолжала жить въ его сердцѣ, потерявъ однако свою цѣлостность, разбившись на рядъ извилистыхъ, часто и взаимно противорѣчащихъ теченій. Три изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія. Первое пыталось упорно продолжать традиціи Іосифлянъ. Въ своей наиболѣе ярко выраженной формѣ оно сохранилось въ нѣдрахъ раскола, неуничтожимаго, несмотря на всѣ усилія царской власти. Это направленіе, утверждавшее, что русское православіе единственно истинное воплощеніе христіанства, вліяло однако на гораздо болѣе широкіе круги, чѣмъ одно старообрядчество. Трудно найти вѣрующаго русскаго человѣка, который бы въ глубинѣ своей души не считалъ всѣ остальные церкви низшей и поврежденной формой христіанства по сравненію съ красотой и истиной русскаго православія. Второе теченіе, особенно расцвѣтшее въ XIX вѣкѣ, хотя тоже вѣрило въ богоизбранность Россіи, но оно отказалось отъ мысли, что бытовое благочестіе, есть единственный оплотъ противъ приближающагося царства антихриста. Оно начало искать иныхъ путей для выявленія духовнаго сокровища, ввѣреннаго Богомъ русскому народу. Это направленіе не имѣло единой программы, оно растеклось на множество параллельныхъ струй, то сливающихся, то пересѣкающихся другъ съ другомъ. Вершины своей оно достигло въ лицѣ Саровскаго старца Серафима, столь отличнаго отъ Іосифлянъ своей кротостью, радостью и духомъ свободы. Близко примыкали къ нему Оптинскіе старцы, вдохновляло оно и славянофиловъ и Достоевскаго, но и имъ же питалось и мистическое сектанство Россіи, съ его странными прозрѣніями и мучительными искаженіями.

Однако основной особенностью XIX вѣка было зарожденіе третьяго теченія русскаго антихристіанскаго мессіанства, начавшагося съ движенія народниковъ и окончившагося въ соціалистическихъ и коммунистическихъ партіяхъ. Этотъ мессіаниззмъ добился въ наши дни неожиданной побѣды. Онъ захватилъ власть надъ милліонами русскихъ людей и до сихъ поръ нераздѣльно царитъ надъ ними. Здѣсь не мѣсто описывать сущность русскаго коммунизма. Достаточно сказать, что онъ весь сотканъ изъ противорѣчій и срывовъ. Онъ уничтожилъ имя Россіи, но вернулъ Москвѣ ея царственное мѣсто. Онъ растопталъ святыни церкви и народа, но онъ же провозгласилъ кремль твердыней грядущаго царства соціальной справедливости. Москва, красная столица третьяго интернаціонала, заняла мѣсто въ исторіи человѣчества, о которомъ пророчествовали книжники и старцы XVI вѣка. Возникаетъ вопросъ, чѣмъ является вѣра русскаго народа въ свое особое призваніе, есть ли Москва, дѣйствительно, третій Римъ — градъ, призванный рѣшать судьбы человѣчества, или же это лишь наважденіе, которое стоило Россіи жизни милліоновъ лучшихъ ея сыновъ. На этотъ вопросъ обычно даются различные отвѣты. По мнѣнію однихъ, Іосифляне были правы, Москва есть единственная хранительница вселенской истины, и русское царство одно призвано защищать Христову церковь. Всѣ же выпавшіе на долю русскаго народу испытанія суть лишь горнило для укрѣпленія и очищенія его вѣры.

Другіе утверждаютъ, что православіе съ его косностью и обрядовѣріемъ исказило подлинный путь Россіи и что третій интернаціоналъ съ его пламенной вѣрой въ возможность установленія соціальной справедливости лучше, чѣмъ Церковь, выполняетъ служеніе Россіи міру. Наконецъ, можно считать, что всѣ разсужденія о мессіанствѣ Россіи суть лишь болѣзненные мечты, мѣшающія нормальному развитію страны. Только освободившись отъ нихъ, Россія сможетъ избѣжать безцѣльнаго уничтоженія своихъ сыновъ и приступить къ столь необходимому строительству своей жизни на разумныхъ началахъ свободы и справедливости.

Но возможно и иное рѣшеніе этой проблемы — признавая подлинность мірового призванія Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ отвергать, какъ ложныя, тѣ два ея историческія воплощенія, которыя пережила наша родина. Согласно этому взгляду и Московское православное царство, и совѣтская коммунистическая республика оба, хотя и по разному искажаютъ подлинный ликъ Россіи. Ея истинный путь лежитъ на продолженіи традиціи, намѣченной нестяжателями, которая связана своими духовными корнями съ первыми и съ самыми яркими ростками русскаго христіанства. Православіе Нила Сорскаго и его учениковъ

воплощаетъ въ себѣ наиболѣе дерзновенный и подлинный образъ русской церкви. Будущее нашей родины зависитъ отъ того, сумѣетъ ли нашъ народъ осуществить ихъ завѣты въ своей повседневной жизни, или же они останутся только прекраснымъ, но не земнымъ идеаломъ. Путь, намѣченный нестяжателями, не легокъ, но не труднѣе самаго христіанства, и русскій народъ во всѣ времена своей исторіи былъ особенно воспримчивъ именно къ этому образу христіанства съ его рѣшительнымъ отверженіемъ насилія, съ глубокимъ прозрѣніемъ въ искупительную силу добровольно взятаго на себя страданія и жаждой цѣлостной христіанской жизни. Быть можетъ, благодаря этимъ чертамъ нашей религіозности никогда не были популярны въ Россіи преслѣдованія и казни еретиковъ, по той же причинѣ потерпѣли конечную неудачу старообрядцы съ ихъ суровымъ, ветхозавѣтнымъ подходомъ къ жизни (*).

Россія занимаетъ особое мѣсто въ исторіи христіанскаго человѣчества. Если первый Римъ укрѣпилъ въ церкви дисциплину, далъ стройность ея организаціи, помогъ росту сознанія ея единства и вселенской миссіи и, если Византія принесла въ общую сокровищницу богатство догматическаго творчества, то Россія поставила передъ христіанскимъ сознаніемъ задачу оцерковленія всей жизни, преображенія всей твари черезъ добровольный подвигъ любви и состраданія.

Русская богословская мысль, русская художественная одаренность, русская нравственная чуткость всѣ эти духовные дары нашего народа открываются во всей своей полнотѣ лишь при соприкосновеніи съ этой завѣтной миссіей Россіи. Все самое святое и подлинное въ нашей Церкви, искусствѣ и жизни такъ или иначе связано съ этой струей православія и она находитъ свое особенно творческое выраженіе въ неповторимомъ по своей реальности и силѣ Богослуженіи Русской Церкви. Встрѣчаясь съ литургической глубиной Русскаго Православія, нельзя не почувствовать, что Россія коснулась цѣнности, имѣющей міровое значеніе, добыла сокровище, обогащающее жизнь всего человѣчества.

Русское Православіе узрѣло образъ Христіанства, неизвѣстный до него, оно вошло поэтому на слѣдующую ступень осуществленія Церкви на землѣ, но это призваніе явилось и величайшимъ соблазномъ нашей церковной исторіи. Почув-

*) Въ этомъ сочувствіи къ гонимымъ и преступникамъ и въ жалости къ страждущимъ русскій народъ отличается отъ европейскихъ націй, гдѣ все населеніе обычно помогаетъ властямъ въ поимкѣ и наказаніи виновныхъ, не менѣе показательно и то, что непопулярность публичныхъ казней «враговъ народа» отличаетъ русскую революцію отъ французской.

ствовавъ себя пріемницей Рима, Россія возжелала использовать принужденіе — это оружіе Рима для выполненія своей миссіи

Начало Рима противоположно Христу, поскольку оно несетъ миръ и благоденствіе народамъ на остріѣ своего меча. Но Римъ былъ покоренъ образомъ распятаго Галилеянина и онъ пошелъ за Нимъ, раздѣливъ съ Его церковью свою власть надъ народами. Церковь приняла этотъ предложенный ей даръ, и вся ея послѣдующая исторія явилась долгимъ и труднымъ изживаніемъ того яда, который заключался въ полученномъ ею мечѣ. Эта болѣзнь до сихъ поръ отравляетъ жизнь христіанскаго человѣчества, и русскій народъ больше, чѣмъ кто либо другой, испилъ горечь этой чаши. Онъ острѣе другихъ почувствовалъ противоборство Христа и Рима — несомѣстимость любви и принужденія, но тотъ же русскій народъ увлекся мечтой о христіанскомъ преображенномъ Римѣ, загорѣлся желаніемъ осуществить идеальное Православное царство, вручивъ охрану его самодержцу царю, облеченному всей полнотой земной власти. Это искушеніе Россія должна была испить долгими столѣтіями своихъ страданій, но, можетъ быть, никогда раньше въ своей исторіи она не переживала съ такой остротой, какъ сейчасъ, гибельныя послѣдствія примѣненія насилія въ дѣлѣ установленія мира и справедливости на землѣ. Русскіе христіане получаютъ въ наши дни новое крещеніе мученичествомъ. Они испытываютъ на опытѣ различіе между закономъ христіанской любви и свободы и властью Рима.

Если Русская Церковь поможетъ всѣмъ христіанамъ преодолѣть соблазнъ невѣрнаго пользованія силой, то Россія во истину выполнитъ свою міровую миссію. Ея столица, Москва займетъ тогда мѣсто одного изъ основныхъ этаповъ въ развитіи христіанскаго сознанія на землѣ, и Москва сможетъ, по справедливости, быть названной Третьимъ и послѣднимъ Римомъ, то есть, тѣмъ Градомъ, который сдѣлалъ ненужнымъ древній Римъ — тотъ центръ мірового единства, который мечомъ и огнемъ пытался слить въ нераздѣльное цѣлое всѣ народы земли.

Н. Зерновъ.

Парижъ. 22. IV. 35